

Незавершенный разговор...

Памяти Мариэтты Александровны Ахлюстиной

Она ушла не прощаясь. Так уходят очень сильные люди, те, кто не боится не только прошлого, но и будущего.

Мы познакомились почти двадцать пять лет назад и за это время так ни разу толком и не поругались. Зато много спорили, говорили о театре, кино, музыке. Но чаще пытались говорить об истории русской культуры и российской интеллигенции. Ей очень нравилась эта тема. Она действительно считала, что без интеллигенции Россия перестанет быть Россией. Ее выступления на разного рода собраниях, конференциях, форумах всегда были проникнуты такой искренней тревогой за судьбу интеллигенции, что редко оставляли аудиторию равнодушной. Она мучительно искала в прошлом ответы на самые трудные вопросы современности и очень переживала, когда не могла их найти.

Мариэтта Александровна искренне верила в то, что если человек правильно воспитан, то он сможет выдержать искушение властью и богатством. Я был категорически не согласен. Но мне было с ней интересно.

Думаю, сотни людей могли бы повторить эти мои слова. Профессора и студенты, актеры и музыканты, хорошие знакомые и случайные

попутчики... она умела находить общий язык почти со всеми. Для нее главным были человеческие качества, а не социальный статус. Хотя... среди ее знакомых были высокопоставленные чиновники, бизнесмены, офицеры, но она редко пользовалась их поддержкой и покровительством.

А еще она умела работать много и хорошо. Теперь так не работают. За это ее любили и боялись. Она могла принимать «студенческие долги» и 30 декабря, и 2 января. Могла не простить всего один пропуск, одну оговорку, одну неточность. Но при этом она могла читать на лекциях стихи и произносить почти театральные монологи, могла устроить дискуссию, которая продолжалась несколько дней, могла расшевелить даже самую «замерзшую аудиторию», если в ней были умные люди. Не случайно она всегда работала на самых «умных факультетах» и превращала обычный учебный процесс в праздник. Талантливые студенты обожали ее импровизации и аллегории, посредственные уважали ее логику и эмоциональный напор. С ней было непросто.

У нее был очень острый язык, изумительное чувство юмора. Вступить с ней в открытую полемику рисковали немногие. Мужчины спорить с женщиной всегда нелегко, а спорить с красивой женщиной невозможно. Многие предпочитали ее просто слушать.

Она несколько раз побывала за границей. Пережила шок от Европы и потрясение Израилем, но я не слышал, что она хотела бы уехать туда навсегда. Конечно, в ее жизни,

как и в жизни любого нормального человека, были минуты отчаяния, очень трудные решения, неоднозначные поступки, но не было политиканства и циничного расчета, который мы теперь политкорректно называем словом «прагматизм».

Она очень любила русский язык и страшно переживала оттого, что студенты не умеют говорить и писать по-русски грамотно. Я много раз слышал, как они оправдывались, пытаясь объяснить просчеты недостатками школьного образования или особыми жизненными обстоятельствами, но она была непреклонна. Для нее русский язык был священным. А многие из тех, кто все-таки прошел ее школу любви и уважения к отечественной истории и культуре, потом писали потрясающие сочинения и стихи.

Она удивительно пела. В ее голосе была та самая естественность,

которой так не хватает многим современным эстрадным звездам. Она пела только тогда, когда сама этого хотела. Поэтому каждая песня была отражением ее настроения, выражением ее самочувствия в самом широком смысле этого слова. На кафедральных посиделках мы прослушали почти весь ее репертуар. Особенно ей удавались романсы. Может быть, поэтому она не любила блатной шансон.

Я никогда не видел, как она играла в студенческих спектаклях театра «Манекен». Но я видел, как загорались ее глаза, как менялось выражение лица, когда она рассказывала о том удивительном времени, о котором сейчас вспоминать как-то не принято. В одном из своих немногочисленных интервью она сказала: «Практически все годы в театре запомнились как самые... Репетиции начинались

после рабочего дня в 5-6 часов вечера, заканчивались самое раннее в 10 часов, чаще в 11-12 ночи. Потом шли по ночному Челябинску, и продолжались разговоры о театре, спектаклях, предстоящих гастролях, о литературе, музыке...».

Однажды я назвал поколение шестидесятников «поколением проигравших». Она не согласилась. Мы вели этот спор много лет, и даже при нашей последней встрече, когда я сидел в ее маленькой кухне, она продолжала убеждать меня, что «по самому большому счету... мы не проиграли». Она так верила в это, что я решил не спорить.

А еще она любила вкусную еду и красивую одежду, хорошо разбиралась в косметике и ювелирных украшениях. Она любила жизнь во всех ее проявлениях. Порой ей удавалось создать праздник на абсолютно пустом месте только взглядом, улыбкой, словом.

Но по-своему она была одинока и очень боялась физической немощи. Мы редко говорили о смерти, старательно обходили тему болезни, не вспоминали тех, кто принес в ее жизнь боль и страдание. Мне кажется, она хотела и даже успела почти всех их простить.

Настоящих друзей у нее было немного. Но те, кто пришел проводить ее в последний путь, были удивительно похожи друг на друга: красивые, умные, интеллигентные и по-своему очень яркие.

Мне кажется, что больше всего на свете она не любила серость и тупость, которыми так богата стала в последние годы наша жизнь. Мне кажется, что именно поэтому она ушла. Ушла не прощаясь...

Игорь СИБИРЯКОВ,
заведующий кафедрой
истории России

